

ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ ПРАВОВЫХ ФАКТОВ И СОБЫТИЙ

¹ Агафонова Т.П.

¹Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, Россия (347936, Таганрог, ул. Инициативная, 50), e-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается малоисследованная проблема, связанная с рациональным осмыслением интегральности правовых фактов и событий. Рационалистический дискурс состоит в выяснении концептуальных оснований исторической и правовой науки; современная гносеология предполагает анализ различных интеллектуальных процедур, применяемых в познании исторической реальности. Предполагается, что различия существующих теорий исторического и правового познания сводятся к различному пониманию и выбору структуры исторических отношений. Показано, что историко-правовая реальность в целом состоит из бесконечного числа ситуаций, однако из них выделяется конкретная, соответствующая целям историко-правового исследования, опираясь при этом на ранее сформулированные критерии выбора. В плане социокультурной легитимации институтов значение отечественных, традиционных, устойчивых правовых ценностей для понимания специфики правового порядка и законности в контексте национальной политической институционализации.

Ключевые слова: правовое событие, рациональное конструирование, рационалистический дискурс, правовая реальность, правовые и эпистемологические аспекты, правовой акт, рациональная интерпретация, право в истории, политической институционализации.

THE INTEGRITY OF THE LEGAL FACTS AND EVENTS

¹ Agafonova T.P.

¹Taganrog Institute n.a. Anton Chekhov (branch) "Rostov State University of Economics (RINH)", Taganrog, Russia (347936, Taganrog st. Initiative, 50), e-mail: vitl_2002@list.ru

The article examines the underexplored problem associated with a rational understanding of the integrality of the legal facts and events. Rationalist discourse is to clarify the conceptual foundations of historical and legal science; modern epistemology involves analysis of various intellectual procedures applied in the knowledge of historical reality. It is assumed that the differences of existing theories of historical and legal knowledge down to different understanding and choice patterns of historical relationships. It is shown that the historical and legal reality in General consists of an infinite number of situations, however, are specific, relevant to the purposes of historical and legal study, based on previously established selection criteria. In terms of social and cultural legitimation of the institutions of the value of the national traditional, sustainable legal values understanding of the legal order and the rule of law in the context of national political institutionalization.

Keywords: legal event, rational construction, rational discourse, legal reality, legal and epistemological aspects, a legal act, rational interpretation of, law in history, political institutionalization.

Человеческое представление о праве и политике, различных юридических и политических институтах обычно связывают с представлением о тех или иных политико-правовых событиях. Наше правовое знание, в своем первом и вполне конкретном приближении есть только знание о случающихся политико-правовых событиях или идущих в этой сфере процессах. Каковы политико-правовые факты сами по себе и независимо от нашей познавательной конституирующей способности, нам не известно. Сколь бы «изошренно» мы не пытались осмыслить политико-правовые события, все равно этим путем не подошли бы ближе к содержанию политико-правовых фактов. В правовом мире, даже при самом тщательном исследовании его фактов, субъект имеет дело только с политико-правовыми событиями.

Упорядоченное выстраивание последовательностей, зависимостей, связей, отношений возможно лишь на уровне политико-правовых событий. Признание за политико-правовыми фактами такой организации, как организация политико-правовых событий, возможно лишь при метафизическом допущении соответствий фактов и событий. Никакой так называемой объективной связи между событиями и фактами нет. Исследователь имеет дело лишь со своеобразными остатками политико-правовых фактов, которые требуют интерпретации, а вовсе не навязывают определенный уровень политико-правовой событийности. Политико-правовое событие создается самим исследователем на основе толкования, понимания источников и свидетельств, которые полагаются в пространстве и времени, т.е. условий, определяющих единичность и индивидуальность политико-правового события.

Если человек утверждает, что политико-правовое представление как внешних объектов, так состояний правового и политического сознания во времени и пространстве отображают нам объекты так, что они конструируются семиотической и смыслополагающей способностью, т.е. так как они существуют, то из этого не следует будто эти объекты являются иллюзией. В событии объекты и свойства, которые мы им приписываем, всегда определяются как нечто действительно существующее. Но так как эти свойства зависят только от способа представления субъектом реконструированного им объекта, то мы отличаем объект как событие от того же объекта как факта самого по себе. Событие есть то, что вовсе не принадлежит политико-правовому явлению самому по себе, но всегда встречается в его отношении к субъекту и неотделимо от представления о нем.

Одной из проблем, связанных с отношением к правовому времени, является преобразование диахронных изменений в функциональные или синхронные. Подобная операция характерна для современных правовых исследований, которые связаны не только с эмпирическим описанием темпоральной последовательности политико-правовых фактов, сколько с теоретическим осмыслением соответствующих структур и культурного содержания политико-правового процесса. Действительная неравномерность темпорального формирования правового или, например, морального сознания учитывается с точки зрения выявления приоритетных черт, отличающих, например, правовое или политическое самосознание западноевропейского средневековья от средневековья российского.

Нередко приходится сравнивать ситуации политико-правового изменения и политико-правовых событий, относящихся не только к различным культурным явлениям, но и к различным интервалам времени. При этом исследователь имеет дело с особой абстракцией от различных интервалов времени и последовательности этих интервалов с одновременной жесткой фиксацией этих различий. При этом однозначная формулировка проблем, связанная с анализом правового времени, в настоящее время позволяет избежать как ухода в проблемы

метафизики, так и в сугубо методологические проблемы, которые, в определенной степени, снимают значимость и интерес подобных правовых исследований.

Если исследователь правового времени не пытается просто представить эмпирический спектр фактов определенной эпохи, но и стремится, в значительной степени, воспроизвести целостность существования объекта во времени, то он не может уйти от проблемы того, как различные ритмы, объединенные в нечто целое, образуют единую темпоральную систему. При этом следует иметь в виду субстанционалистскую трактовку правового времени, которая просто игнорирует многообразие политико-правовых реалий культуры там, где возможно говорить о существовании и взаимодействии различных регионов, этносов, отдельных личностей, наконец, индивидуального времени. При этом неоднородность разнообразия событийной природы правового времени приобретает особое значение с точки зрения противоположных тенденций, то есть усиления однообразия в границах пространственной структуры в жизни субъектов.

Правовое время – это некоторая последовательность действий субъектов в правоинституциональном и праводуховном поле. Своеобразной единицей правового времени выступает интервал, совпадающий с единицей в политико-правовой деятельности конкретного человека или какой-то социальной группы. При этом структура правового времени – это своеобразная политико-правовая концепция, поскольку она определяется выбором моментов отсчета, которые сами зависят от представлений относительно важности политико-правовых событий. Другими словами, моделирование правового времени происходит на основе системы юридических и иных ценностей общества, находящегося на конкретном этапе политико-правового развития. Естественно, что различные системы предполагают различные структуры правового времени, так как темп политико-правовой жизни – это порождение определенной политико-правовой деятельности, воспринимаемой через выработанную человечеством систему ценностей [10].

Различные субъекты многообразных правовых и политических отношений предполагают различную структуру правовому времени. Правовое время измеряется политико-правовым изменением, которое, в свою очередь, определяется правовой практикой, протекающей с разной интенсивностью. Политико-правовое изменение субъекта ведет к своеобразному уменьшению или, наоборот, к удлинению правового времени. Подобное уплотнение времени как следствие интенсификации общественной практики происходит также на уровне существования правовых институтов данного конкретного общества. При этом возникает реально вопрос относительно своеобразного контроля правового времени. Конечно, человек, в этом плане, выступает как своеобразная единица во временном потоке. Однако тот же человек имеет определенный потенциал для

регулирования своего собственного пребывания в этом указанном потоке, который оказывает влияние, как на его структуру, так и на его плотность. При этом возможности контроля за правовым временем у разных людей осуществляется, естественно, по-разному. На одном уровне можно говорить о безвластных субъектах, не способных контролировать даже собственное время, а с другой стороны – можно говорить о социальных группах, властных элитах, которые в принципе определяют основные тенденции изменения политико-правовых институтов, и их деятельность фактически функционирует в рамках больших исторических эпох.

В сознании субъекта правовое время обретает специфический характер: оно приобретает характер интервала, который дан человеку, чтобы реализовать свою собственную сущность, цель своего бытия в мире. Временные интервалы выступают в сознании политико-правового субъекта, как ступени осознания возможностей и определение цели его жизнедеятельности, а также практической реализации, социально-юридического бытия субъекта. В простой хронологической последовательности отдельных событий не фиксируются основные этапы политико-правового развития, обусловленные, глубинными политико-правовыми изменениями. А в них-то и проявляется специфика правового времени. Политико-правовое становление, качественные переходы общества из одного состояния в другое и обнаруживают субъективность представлений о неких устойчивых формах бытия человека [8].

Метрические характеристики индивидуального времени приоритетно зависят от содержательности того реального времени, отражением которого само индивидуальное время является. Кроме того, в этом контексте важным фактором становится то – переживает ли субъект содержания политико-правового события с точки зрения настоящего времени или же политико-правовое событие соотносится с воспоминанием о нём, как некотором прошлом.

Перенося проблему в область настоящего, индивидуальное время будет непосредственно связываться с интенсивностью деятельности конкретного человека. То есть сам темп индивидуального времени приоритетно определяется самим характером человеческой деятельности, которая с позиции многообразия своих внешних проявлений будет определять длительность или кратковременность и восприятия человеком с позиции индивидуального времени.

Речь идёт о том, что индивидуальное время в ходе имеющих место в стране политических и правовых процессах может восприниматься как достаточно неоднородное: в плане наполненности, интенсивности реформирования национальных политико-правовых институтов, либо возникновения разного рода «революционных взрывов» («оранжевых

революций» или «революции роз» в СНГ) оно может быть более «плотным», насыщенным или наоборот «разряженным». Одни и те же интервалы времени, измеренные в календарных годах, представляются более или менее продолжительными [6].

Возвращаясь к характеру темпа индивидуального времени с точки зрения переживания настоящего времени, определяется, конечно, не столько физиологическими особенностями человека, сколько его жизнедеятельностью, мировоззрением и мироощущением, масштабом решаемых проблем. При этом две основных тенденции увеличения и уменьшения индивидуального времени, находящиеся в диалектическом единстве, а само их противопоставление можно рассматривать в зависимости от величины и значения той или иной тенденции.

Индивидуальное время, как время конкретного человеческого бытия сочетает в себе значимость как проблемы времени, так и проблемы человека. Дело в том, что само время характеризуется максимальной глубиной и полнотой своего содержания. Тогда, когда оно рассматривается с точки зрения единства, как индивидуального и правового уровня. При этом даже стихийное политико-правовое событие естественно проходит через его осознание человеком и, в конечном счёте, всегда представляется как цель, затрагивающая интересы различных людей. То есть, именно в обществе время является и формой объективного политико-правового бытия и специфическим феноменом сознания. Поэтому исследования индивидуального времени политико-правовой действительности, преобразованного самой деятельностью человеческого сознания. С позиции правового отражения индивидуальное время должно обнаружить такие свойства и характеристики, которые не существуют вне реального человека [5].

В рамках индивидуального времени происходит осознание человеком как себя самого, так и окружающего его право- и политико-институционального пространства. Индивидуальное время человека можно рассматривать как с точки зрения переживания им своего собственного объективного бытия во времени, так и переживания существующей во времени политико-правовой действительности.

Обозначенная выше проблема характера и только индивидуального времени может выступить в качестве его характеристики с количественной и качественной стороны. Качественная сторона соотносится с ситуацией, когда возникает вопрос о том, почему происходит различная оценка разными людьми объективно тождественных интервалов времени общества.

Дело в том, что по отношению к политико-правовому процессу характер и типы его истории фактически выступает в качестве необходимой объективной закономерности. При этом данная закономерность на определённых интервалах самого политико-правового

процесса может не только исчезать, но и принимать прямо противоположный вектор, в свою очередь человек, с точки зрения своего индивидуального времени, также будет воспринимать тот или иной характер или темп объективного времени, но, естественно, с учётом специфики правового сознания человека. Нередко сама установка конкретного человека на то или иное восприятие происходящих политико-правовых процессов приводит к ускорению или замедлению этих процессов в рамках индивидуального сознания.

Список литературы

1. Музыка О.А., Попов В.В. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.- 256 с.
2. Музыка О.А., Попов В.В., Фатыхова Е.М. Особенности оценки системного анализа социальных противоречий и переходных периодов в трансформациях современного российского общества // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8. – С. 190-194.
3. Попов В.В. Философия права Гегеля. – Таганрог, 1995. – 40 с.
4. Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего. // Философия права – Ростов-на-Дону, 2012. - №4. – С. 7-10.
5. Попов В.В. Социально-философский аспект исследования государственно-правовых явлений общественной жизни. – Таганрог, 1995. – 40 с.
6. Попов В.В. К вопросу о философии власти Ильина. // Юридический вестник. - Ростов-на-Дону, 1999 – С. 52-57.
7. Попов В.В. Значение языка в формировании правовой культуры. // Язык образования и образование языка. - Великий Новгород, 2000 – С. 29-35.
8. Попов В.В. Легитимность российских политико-правовых институтов в условиях переходного периода: конфликтологический анализ // Современные научные достижения. - Днепропетровск, 2006. – С. 62-68.
9. Попов В. В. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности// Фундаментальные исследования –2011. – № 12. –С. 399–404.
10. Попов В. В. Особенности интерпретации социальных событий: факторы темпоральности и оценки// Философия права –Ростов н/Д., 2011 – № 3. – С. 63–68.
11. Чаленко М.В., Попов В.В., Музыка О.А. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 12. – С. 399-404.
12. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // International journal of applied and fundamental research – Munchen, 2013. – P. 92 – 94.

13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches – Stuttgart, 2013. – P. 126-129.

14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives – Vienna, 2014. – P. 215 – 219.

Рецензенты:

Музыка О.А., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии и социологии права Таганрогского института им. А. П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВПО «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», г. Таганрог;

Попов В.В., д.филос.н., профессор, профессор кафедры философии и социологии права Таганрогского института им. А. П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВПО «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», г. Таганрог.